

Хелен Сантос

**Ягненок
Халева**

«БИБЛИЯ ДЛЯ ВСЕХ»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2020

ББК 86.376
УДК 242
С18

Helen Santos
CALEB'S LAMB
Reformation Heritage Books
2965 Leonard St., NE
Grand Rapids, MI 49525
Copyright © Helen Santos 2005
ISBN 1-892777-70-3

Издано при участии
Раундвуд Траст
Кингсбрук Хаус
42 Кингсбрук Роуд
Бедфорд МК42 0ВН
Англия

Переводчик О. П. Сквепень
Художник Т. Е. Балдина

В этой небольшой книге рассказано об одном из ключевых эпизодов священной истории. Последние месяцы и дни перед исходом израильского народа из египетского рабства показаны глазами маленького мальчика, сына пастуха. Дети и их родители погрузятся в тревожную атмосферу того времени, вместе поразмышляют об истинном значении божественной любви и ветхозаветном прообразе Великой Жертвы.

Издание 2-е

Перевод с английского

Охраняется законодательством об авторском праве. Никакая часть этой книги не может копироваться и публиковаться никакими средствами (печатными, фотографическими, электронными, звукозаписывающими и пр.) без предварительного письменного разрешения владельца авторских прав.

ISBN 978-5-7454-1623-1

© Русское издание.
«Библия для всех», 2009

Предисловие

«Ягненка Халева» принес нам один друг семьи, предложив почитать эту историю детям вслух. Уже с первой главы мы были восхищены тем, как автору — Хелен Сантос — удалось увлечь нас повествованием. Продолжив чтение, мы еще более были поражены истинным значением и глубиной смысла этой книги. Именно тогда мы поняли, что об этой книге обязательно должны узнать люди.

Чтобы приобрести несколько копий, мы связались с издателем, но выяснили только то, что все книги были распроданы, а права возвращены автору. Поэтому получить новый тираж мы могли, только связавшись с автором. После длительных поисков, проходивших под удивительным Божьим водительством, мы нашли автора в английском городе Бат. В беседе с ней мы объяснили, что хотим издать эту удивительную книгу, чтобы пустить вырученные средства на развитие недавно открытой христианской школы. Мы очень обрадовались, услышав, что она также мечтает о развитии христианского образования и предоставит нам полное право на публикацию издания «Ягненка Халева».

Кроме того, Хелен Сантос поведала нам о появлении книги: «Изначально я писала эту книгу как отдельные истории для детей, посещавших летний христианский клуб здесь, в Бате. И только потом я объединила их в книгу. Много лет назад всем детям действительно нравились эти истории, и я искренне верю, что книга принесет пользу и современным юным читателям. Для меня огромная привилегия, что я могу использовать свой писательский талант для служения Богу. И я молюсь, чтобы эта книга смогла помочь детям и воодушевить их познавать и любить Иисуса и Библию».

Больше всего мы бы хотели поблагодарить Бога за то, что Он указал нам на эту книгу. Мы молимся, чтобы это небольшое издание не только помогло нам собрать средства для нашей школы, но также послужило бы благословением для всех, кто прочитает ее, как юным, так и пожилым. Мы также выражаем сердечную благодарность Хелен Сантос за то, что она разрешила нам опубликовать эту книгу без каких-либо компенсаций, и мы признательны «Книжному наследию Реформации» (Reformation Heritage Books) за возможность издания этой книги. И, наконец, особая благодарность всем, кто отдал свое время и талант, чтобы подготовить эту книгу к печати.

*Преп. Марк Келдерман и миссис Келдерман,
сотрудники Оксфордской реформатской
христианской школы*

Первая глава

Это было много-много лет назад, в земле Гесем в Египте.

Под деревом с колючими ветвями спал маленький мальчик. Чтобы защититься от диких животных, он укрылся ветками, а чтобы согреться — свернулся калачиком под грязным плащом отца.

Солнце встало больше часа назад. Оно уже хорошо освещало землю, но мальчик провел большую часть ночи без сна, охваченный страхом, поэтому его сон был еще так глубок, что яркий солнечный свет не мешал ему.

На макушке дерева, под которым спал мальчик, сидел ворон. Поворачивая голову то в одну то в другую сторону, он одним глазом все время следил за мальчиком. Ворон прогуливался взад и вперед по ветке, выбирая место, с которого открывался лучший обзор. Его снедало любопытство. Наконец он издал громкий резкий звук, который разбудил мальчика.

Плащ откинулся в сторону, и появилась голова с темными взъерошенными волосами. Заспанные глаза с большим трудом открылись и тут же расширились от ужаса, когда

мальчик вспомнил, где он находится и что он совсем один.

Он сел, прислонившись спиной к стволу дерева, и снова, дрожа от холода, натянул на себя плащ. Хотя солнце было уже высоко, его лучи практически не грели. Стояла ранняя весна, и в воздухе еще царил ледяная прохлада.

Поверх нижней рубахи на Халеве была еще одна, из овчины, и плащ отца, но земля была настолько же холодной, насколько и окаменелой.

Мальчик поднял карие глаза и пристально посмотрел на ворона. Наверняка то, что такая птица сидит здесь и наблюдает за ним, было плохим знамением. Длинный черный клюв напомнил мальчику о существовании множества страданий и слез. Черные когтистые лапы, вцепившиеся сейчас в ветку, могли с таким же успехом свирепо вцепиться в раненое животное. Птица пожирала мальчика пронзительным острым взглядом.

Халев вскочил на ноги, внезапно сильно разозлившись. Он замахал руками и закричал на ворона:

— Убирайся! Улетай! Не смотри на меня так!

Но ворон, нисколько не испугавшись, продолжал разглядывать его с еще большим интересом.

Халев так сильно разозлился на ворона, потому что чувствовал себя виноватым. Как только он проснулся, на него нахлынули воспоминания о вчерашнем дне... о гневе его отца, о его собственном, о пропавшей овце...

Как же он ненавидел овец. Какие это тупые животные! Разве они до сих пор не поняли, что единственное безопасное место, — в стаде, под охраной и защитой пастуха? Разве они не знают, что после наступления ночи им надо скорее бежать в загон?

Очевидно, они не знали, потому что если бы им это было известно, они не отбивались бы от стада и не терялись бы.

Отец Халева — Асир — сказал ему тогда:

— Эта овца скоро должна родить ягненка. В любой день. Следи за ней. Она постоянно будет отбиваться от стада, чтобы найти укромное место, где сможет родить. Ты должен внимательно наблюдать за ней и каждый раз возвращать, если она отойдет далеко.

И Халев следил. Он старательно наблюдал за ней много часов, пока его глаза не заболели от солнца, а от напряжения при постоянной концентрации на коричневой покрытой шерстью туше с длинным жирным хвостом у него не стала кружиться голова.

Он отвел от нее взгляд всего-то на чуть-чуть. Она была с несколькими своими сестрами, они вместе с огромным удовольствием щипали свежую зеленую травку. Из-под камней, постоянно оглядываясь, выползла крохотная ящерица с золотистыми глазами. Пальцы так и потянулись погладить ее, да и скука делала свое дело.

Ящерица сидела неподвижно, как камни, и, казалось, что ее так просто поймать. Халев сложил ладони лодочкой — но, как только его тень двинулась, ящерка в мгновение ока

исчезла. Заметив движением ее хвоста, Халев стал передвигать камни... И вот она снова появилась. Голова поднята вверх, она стоит застывшая и прекрасная.

Прошло всего несколько мгновений, но когда Халев вспомнил про овцу и посмотрел туда, где видел ее в последний раз, — все остальные были на месте и продолжали щипать травку, а коричневой с раздутыми боками среди них не было.

Халев постарался не паниковать. Он знал, что должен как можно быстрее ее найти, но боялся бежать, чтобы отец, еще не успевший уйти далеко, не заметил его суеты. Овца не могла далеко уйти. Может быть, она перешла к овцам, за которыми смотрел его отец? Стадо было разбросано по долине, насколько хватало взгляда. Некоторые овцы были уже с ягнятами и паслись поодаль от остальных.

Но как он мог сказать, кто была та, которую он искал? В стаде было много коричневых овец. Кроме того были серые, белые и пятнистые. Отец говорил, что каждая — особенна, но Халев не видел отличий.

Как же он был зол на эту коричневую овцу. Как же он был зол на отца! Неужели возможно смотреть за ними каждую секунду, если голова раскалывается, а глаза слезятся. Он знал, что должен пойти и прямо сейчас рассказать отцу о случившемся. Но он был слишком напуган и зол.

Как раз в то утро Асир объяснял ему, насколько важно особенно внимательно следить за готовыми к родам овцами. Нотация не бы-

ла длительной. Пастухи не очень разговорчивы, хотя они очень часто поют для овец. Именно потому, что отец не сказал многого, его слова были очень важны и к ним надо было отнестись с огромным вниманием.

Три раза отец повторил Халеву, чтобы тот следил именно за этой овцой, поэтому мальчик не мог пойти и прямо сейчас рассказать ему, что он ее потерял!

Халев решил подождать немного. Он был уверен, что она вернется еще до наступления вечера и приведет с собой ягненка, тогда отцу и не нужно будет знать, что на самом деле произошло. Но день таял на глазах, а овца все не возвращалась. С каждой минутой мысль о том, что придется признаваться, становилась все страшнее. Если в самом начале Асир, наверное, разозлился бы, то теперь он будет просто в ярости.

Исполненный чувства долга, Халев следил за остальными овцами весь оставшийся день. Он надеялся только на то, что в любой момент может произойти чудо, и уже представлял, как коричневая овца бежит обратно и у нее в ногах путается ягненок.

Он подумал о том, чтобы помолиться Богу своего отца. Каждое утро и каждый вечер его отец совершал молитву. Он рассказывал Халеву, что Бог — Который настолько велик, что Его имя даже нельзя упоминать, — знает все, и не только то, что человек сказал или сделал, но также и все то, что происходит в его сердце. Поэтому Халев решил, что не может рассказать о пропаже Богу по той же при-

чине, по которой он не мог рассказать о случившемся отцу. Он был слишком зол и растерян.

День был ужасным. Халев с каждой минутой становился все угрюмее и мрачнее. Каждую секунду его охватывало страстное желание побежать к отцу и признаться во всем, но каждый раз ему мешали страх перед гневом отца и надежда на то, что овца вернется.

С наступлением темноты, когда Асир пересчитал овец, вернувшихся в загон, он тут же понял, что нет именно той, коричневой. Халев мечтал провалиться под землю прямо там, где стоял, но, конечно, у него ничего не вышло.

Свесив голову, он сердито выкрикнул:

— В этом нет моей вины! Я всего лишь на мгновение перестал смотреть за ней.

— Разве это моя вина? — спросил отец. — Или это вина Кудряшки — глупого создания, которое все еще верит, что мы ее защитим?

Халеву нечего было ответить. Тот тон, в котором его отец говорил, заставил его испытать боль, ведь отец доверял ему так же, как Кудряшка доверяла людям и верила, что они защитят ее. Он закусил губу и почувствовал, что ненавидит Кудряшку больше обычного.

— Ты должен пойти на ее поиски, — сказал отец.

— Я пойду, как только рассветет. Обещаю, — с готовностью ответил мальчик.

— Завтра будет слишком поздно. Ты должен найти ее сегодня.

— Но ведь сейчас темно. Я не смогу увидеть ее.

— Она услышит твой голос, а ты — ее, если она в беде и просит о помощи.

Халев очень боялся темноты.

— Пожалуйста, не заставляй меня идти, — умолял он.

Но отец продолжал:

— Посмотри под всеми колючими кустами, между камнями, во всех расселинах и ямах. С ней будет ягненок. Для защиты у тебя есть праща и, кроме того, наш Бог. Ты никогда не станешь хорошим пастухом, если не научишься заботиться об овцах больше, чем о самом себе.

Эти слова продолжали звучать в ушах Халева при каждом ударе сердца. Он взял небольшую буханку ячменного хлеба на ужин, плащ отца, чтобы не замерзнуть, и отправился на поиски.

Сначала он торопился, постоянно спотыкаясь о полы плаща, пока не догадался обвязать их вокруг плеч, но вскоре так измучился, что уже едва удерживал глаза открытыми и с трудом переставлял ноги.

От яркого света полной луны вокруг Халева шевелились причудливые тени. Колючие кусты становились великанами с когтистыми ручищами, булыжники — громадными пещерами. Все казалось большим и странным, ничто не походило на привычную картину мира, и мальчику было очень страшно.

Несколько раз он звал Кудряшку, как можно громче, надеясь услышать ответ. Но от-

вета не было, и вскоре даже собственный голос среди этой бескрайней пустыни стал пугать его.

Наконец, он подошел к дереву и присел возле него, чтобы съесть хлеб и подкрепить силы. Он так измучился и замерз, что решил остаться здесь хоть ненадолго, чтобы немного согреться и отдохнуть. Пока он ел, его уши ловили звуки пустыни: шепоты, скрежет, шуршание мышей и скорпионов, звуки шагов каких-то более крупных созданий...

Халев дрожал. Сердце колотилось с такой силой, что его стук отдавался в ушах мальчика почти так же громко, как и окружавшие его звуки. А как же злые духи?! Они наверняка смогут увидеть его здесь и попытаются уничтожить.

Он вскочил на ноги и подобрал с земли упавшие ветки; теперь он был уже так напуган, что больше не мог продолжать путь. Змеи, шакалы, львы... в его воображении одна ужасная картина сменяла другую.

Он вспомнил слова отца: «Наш Бог защитит тебя». В мысли о том, что Бог, Чье имя даже нельзя произносить, наблюдает сейчас за ним и понимает его страх, было какое-то утешение.

Халев натянул отцовский плащ на голову и, свернувшись калачиком, прижался как можно теснее к стволу дерева. Так он и остался там до утра, пока черный ворон не разбудил его внезапным пронзительным криком.

Вторая глава

Халев уже полностью очнулся от сна, и ужас заставил его сердце учащенно биться. Он вспомнил, как часто видел таких же, как эта, черных птиц, сидящих на тушах мертвых животных и расклеывающих их гниющую плоть. Вороны питались падалью.

— Они занимают свое место, — объяснил его отец, когда Халев, увидев эту картину впервые, вскрикнул от омерзения и ужаса. — Они очищают пастбища.

Но Асир тоже не любил воронов. Слишком часто они нападали на овец во время родов и убивали ягнят прежде, чем те могли почувствовать твердую землю под копытами. А что если то же самое случилось с Кудряшкой и ее ягненком? Халев вздрогнул. Но теперь, чем раньше он узнает, что произошло, тем будет лучше.

Он был голоден, но хлеба уже не осталось, поэтому ему не пришлось тратить время на завтрак. Прежде чем отправиться в путь, он прочитал молитвы, которые произносил каждое утро его отец, а в конце добавил еще и от себя:

— Пожалуйста, помоги мне быстро найти Кудряшку. Пожалуйста, пусть с ней все будет в порядке.

С этим единственным утешением и с плащом отца, который был обмотан вокруг плеч, он направился к скалистому подножию холмов, где колючие кустарники и дикие цветы сверкали под солнечными лучами. Это было подходящее место, чтобы овца направилась туда для рождения ягненка. Наверняка она должна быть там.

Ворон издал крик, расправил могучие крылья и полетел, совершая неторопливые взмахи, впереди. Когда он обогнал мальчика, его тень закрыла Халева. Он добрался до холмов первым и уселся на валун, принявшись за чистку перьев и клюва. Ворон был единственным живым созданием, которое видел Халев, поэтому его сердце, несмотря на молитву, стало одолевать уныние. Неужели Бог сообщал ему через этого ворона, что он пришел слишком поздно?

Вскоре он узнал ответ. Мальчик пробрался между камнями, потом прошел по остаткам старого овечьего навоза, как вдруг его взгляд привлек коричневый комок шерсти. Это была Кудряшка. И она была мертва. В тех местах, где уже пообедали другие создания, тучами роились мухи. Халев остановился.

Смерть пугала. Он никогда не сможет привыкнуть к ней, хотя смерть всегда окружала его: она была в историях, которые рассказывал отец, в пересудах и сплетнях, которые распускали деревенские женщины, в самом

стаде, где овцы умирали по всякого рода глупым причинам и обычно очень внезапно.

И как раз внезапность смерти, безжалостно вцепляющейся в жертву, как ястреб своими когтями, пугала больше всего. Изувеченная туша Кудряшки еще раз напомнила Халеву о смерти и о том, что здесь была его вина, потому что он не уследил за бедной овечкой.

А как же ягненок? Неужели его утащил шакал или лев? Неужели его уже сожрали? Халев безо всякого желания начал оглядываться по сторонам, он не хотел найти еще один труп, но ничего другого ожидать не приходилось.

Инстинктивно Халев желал только одного — бежать как можно быстрее обратно к отцу. Мальчику было уже все равно, насколько зол будет отец, он хотя бы окажется далеко от этого ужасного места. Но вместо этого он пошел к ворону, который все так же наблюдал за ним, нащупывая рукой пращу и камень.

— Убирайся! — закричал он. — Ты уже наелся!

Ворон взлетел с громким хлопаньем крыльев и испуганным криком. Только Халев прицелился, как вдруг услышал крик, совсем непохожий на вороний, и этот звук остановил его руку. Это было бляение ягненка, и хоть оно было слабым и нежным, это точно был ягненок... и он был в беде!

Откуда шел этот звук? Где был ягненок? Халев нетерпеливо слушал.

— Где ты?! — крикнул он.

Блеяние раздалось еще один раз, где-то справа от Халева, где в земле среди камней была довольно глубокая яма, на дне которой росли спутанные цветущие колючки, с огромным количеством шипов.

Пока Халев смотрел вниз, раздалось еще одно блеяние, громче, чем предыдущее, и Халев увидел в колючках ягненка, который так запутался, что не мог даже пошевелиться, если не считать головы и хвоста, который отчаянно завил из стороны в сторону, когда тот заметил Халева.

Должно быть, он свалился в яму, решил Халев, и, наверное, Кудряшка долго стояла на краю, блея в растерянности, и ее зов слышали только хищники... Было невозможно выяснить, что же на самом деле произошло, но одно было ясно — колючки, которые пленили ягненка, спасли ему жизнь.

Все больше волнуясь, Халев нашел спуск на дно ямы, но добраться до ягненка оказалось не так-то просто. Он стал разрубать ветки ножом и поднял камень, чтобы сломать шипы, впившиеся в его верхнюю рубаху, жалея, что не захватил с собой длинный посох отца. Скоро ему стало очень жарко.

Ягненок отчаянно барахтался, ожидая худшего, не зная, что Халев пришел спасти его. Его громкое блеяние было полно страха.

Это был красивый ягненок, полностью белый, если не считать чуть более темного пятна вокруг носа и пятен крови там, где колючки сильно впились в его тело. В их стаде было немного белых овец, поэтому они всегда были в

цене. За такую шерсть давали больше, чем за цветную. Может быть, его отец будет не так сильно сердиться, когда увидит белого ягненка.

— Да перестань ты дергаться! — закричал Халев, когда понял, что движения ягненка все больше и больше запутывают его и причиняют новую боль. — Разве ты не видишь, что я пытаюсь помочь тебе? Ты умрешь, если останешься там.

Через некоторое время ягненок перестал биться, не потому что он больше не боялся, но потому что был слишком истощен. Еще до того, как Халев смог дотянуться до него и освободить, — беззвучно ловя воздух от боли, оттого что колючки, державшие в заключении крошечное создание, поранили его руки, — ягненок закрыл глаза и сдался, перестав сражаться.

Он снова открыл глаза, начав блеять от страха, когда почувствовал, как рука Халева обхватила его, и — на удивление мальчика — с поразительной отвагой бросился в последний отчаянный бой. В конце концов, Халеву пришлось отпустить его, но ягненок все продолжал блеять, широко раскрыв рот и брыкаясь, чтобы освободиться. Даже когда мальчик сел на землю и притянул ягненка к себе, собираясь уверить его теплом своего тела и заботой рук, что он не враг, ягненок был очень напряжен.

Халев чувствовал, как сердце маленького создания бешено колотится у его груди. Какой же сильный страх царил в этом сердечке!

— Тише, тише, — шептал мальчик. — Я не собираюсь навредить тебе, — и руки Халева инстинктивно гладили маленькое тельце ягненка, стараясь успокоить его.

Ягненок перестал брыкаться. Может быть, прикосновения рук Халева напомнили ему о первой радости, которую он испытал, когда мама обнюхала его, толкнула мордой и облизала, согрив его и убрав темную пелену с глаз.

Внезапное сильнейшее чувство голода захватило ягненка, и он стал тыкаться в Халева носом, ища откуда бы сососать молока. Халев подставил ему два пальца, и ягненок яростно впился в них, то и дело ударяясь своей маленькой, но крепкой головой о грудь Халева. Вскоре он выдавил из себя яростный крик обманувшегося в ожиданиях. В пальцах Халева не было молока, и это оказалось последней каплей для ягненка. Его ноги подкосились, и он перестал бороться. Его наполовину замерзшее маленькое тельце, местами запачканное кровью, растянулось перед Халевом, он уже даже не боялся, его больше ничто не заботило.

Темные ноздри закрылись, как и глаза, как будто он больше не заботился даже о том, чтобы дышать. Длинный хвост висел абсолютно недвижно. Халев смотрел на него, и его сердце пронзила острая боль, которой он раньше никогда не испытывал. Это была любовь, хотя он этого еще не понимал.

Он знал лишь, что именно эта боль заставила его вскочить на ноги, вскинуть ягненка на плечи и как можно скорее мчаться на зеленые луга, где пас стадо отец. Он забыл про собст-

венные боли и страхи. Единственное, о чем он сейчас думал, так это о том, что он должен во что бы то ни стало сохранить жизнь этому ягненку.

Солнце уже стояло высоко, и хотя была ранняя весна, начинало припекать. Оно палило одинокую фигурку Халева, на его плечах лежал ягненок, и много раз очень хотелось передохнуть, сняв ношу с плеч. Но он должен быстрее вернуться, или ягненок умрет.

Как только Халев заметил первую овцу, его сердце переполнилось радостью. Вскоре он разглядел и отца. Он крикнул, и отец ответил, сразу же направившись навстречу.

Он снял ягненка с плеч Халева и бережно прижал к своей груди. Он не произнес ни слова в упрек, не потребовал никаких объяснений. Видя порванную одежду Халева и глубокие царапины на руках мальчика, пастух и сам мог рассказать о случившемся.

— Он очень слаб, — сказал Асир. — Надежды на то, что он выживет, очень мало. Если у него еще есть воля к жизни, он будет жить, если нет — умрет к полуночи.

И хотя все тело болело после того, как он пронес ягненка, еще много чего предстояло сделать. Ягненка надо было как-то накормить, но он был так слаб, что не имело смысла давать его одной из овец.

Отец Халева принес кувшин молока.

— Попробуй сам покормить его, — проговорил он. — Окунай пальцы в молоко и засовывай их в рот ягненку. Продолжай делать

так, пока он не поймет. Не сдавайся, даже если он уже сдался.

Халев подумал, что это задание должно ему понравиться, но он был таким уставшим, что вскоре стал злиться. Казалось, что ягненок, который недавно был таким храбрым среди колючек, теперь совсем потерял желание жить. Теплое сладкое молоко не оказывало на него никакого действия.

— Давай же, давай! — закричал Халев, потому что ягненок не хотел пить молоко и даже не собирался открывать глаза.

Он так старался, и все впустую?! С таким же успехом можно было бы оставить ягненка умирать в кустах.

В нетерпении Халев оттянул губу ягненка и попытался влить ему в рот хоть каплю молока. Ягненок мотнул головой. Бóльшая часть молока просто пролилась и потекла по ногам Халева, намочив рубаху. Но сколько-то, должно быть, дошло до горла ягненка, потому что тот внезапно издал такой звук, словно начал захлебываться или задыхаться, от чего открыл рот.

Второпях Халев капнул в рот ягненку еще молока. Он пускал его по пальцам, которые всунул между челюстями ягненка, так чтобы тот не смог закрыть рот. И вот, словно что-то случилось с ногами ягненка, потому что он вскочил на них, как бы протестуя и разжигая в себе уже почти потухшее пламя жизни.

Халев почувствовал, как почти безжизненный язычок еле-еле коснулся его пальцев, и с